

Однако изучение отдельных чтений не может дать хоть сколько-нибудь убедительно решить сложную проблему соотношения Слова о полку Игореве и Задонщины. Эта задача стоит еще перед текстологами и источниковедами.

Ю. А. Л И М О Н О В

ЗАМЕТКИ О ХОЛМОГОРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

(Ярославское и Двинское местное летописание)

Настоящие заметки не претендуют на разрешение тех вопросов, которые они затрагивают. Цель их значительно скромнее — акцентировать внимание исследователей на проблемах местного летописания.

1. Федор Ростиславич Черный и ярославское летописание.

Некоторые особенности Холмогорской летописи, интересного памятника русского летописания, достойны самого пристального внимания, ибо они способствуют дальнейшему исследованию ряда проблем, поставленных нашей историографией. Одной из таких проблем является вопрос о ярославской летописи. М. Д. Приселков, исследуя северо-восточное летописание конца XIII—начала XIV в. пришел к следующему выводу: «Третьим вспомогательным источником свода 1305 г. нужно назвать Летописец князя Федора Черного, князя „Ярославльского и Смоленского“. Это был личный летописец названного князя».¹ Подобное предположение, основанное на серии известий о князе Федоре в Лаврентьевской, Симеоновской и Троицкой летописях, как будто не вызвало возражений в нашей историографии, но в то же время и не было подкреплено какими-нибудь дальнейшими наблюдениями.

Холмогорская летопись позволяет в известной степени дать материал для исследования о ярославском летописании. В памятнике содержится довольно много сообщений о деятельности князя смоленского и ярославского Федора Ростиславича Черного. Почти во всех опубликованных летописях (за исключением Степенной книги) находим очень краткие сведения о Федоре. Последний бежал из Западной Руси в 1267 г. в Ярославль, где женился на дочери местного князя Василия Всеволодича. Федору удалось на некоторое время вернуть свои владения на Западе Руси. Он владел Смоленском с начала 80-х годов XIII в. до 1297 г. Сложная политическая обстановка последней четверти XIII в. заставляла лавировать Федора между различными кня-

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 107.

жескими группировками и золотоордынскими партиями. Федор неоднократно бывал в Орде, использовал силу «поганых» в междоусобных войнах.

Холмогорская летопись очень подробно повествует о происхождении смоленско-ярославского князя, о его отъезде в Орду, о службе Федора кравчим у Менгу-Темира. Памятник сообщает о попытке князя возвратиться на Русь в Ярославль, где у него остались жена и сын Михаил, об отказе ярославцев принять Федора, которому не помогли ни его жалобы Менгу-Темиру, ни татарское посольство. Только после смерти своего сына Михаила и вторичной женитьбы на ханской дочери князь во главе татарского войска захватил Ярославль. Далее памятник прослеживает судьбу Федора на протяжении 70—90-х годов XIII в.

Возникает вопрос: что за источник использовала Холмогорская летопись? Может быть, «Житие Федора Ярославского», которое было составлено из нескольких редакций?

«Житие Федора» ранних редакций содержит очень мало биографического материала о смоленско-ярославском князе.² Влияние этих памятников на Холмогорскую летопись не представляется возможным. Комплекс известий, близких к Холмогорской летописи, находим в «Житии» редакции конца XV—начала XVI в., в так называемой Антониевой (Великая Четия Минея, за сентябрь), и в Степенной книге. В основе Антониевой редакции памятника и рассказа Степенной книги лежит анонимная редакция «Жития», распространенная за счет местного ярославского материала.³ Сообщения о Федоре этих групп памятника очень близки. Интересные результаты дает сопоставление известий Холмогорской летописи и Степенной книги. Большинство сообщений северной летописи читается в Степенной книге, но последняя не знает некоторых известий северного памятника. Так, в Степенной книге нет известия о том, что при нашествии татар Федор «бегающу в Болгоры от Батыя». В Степенной книге нет имени татарского хана, который «жаловал» Федора. Холмогорская называет его «царь Менгутемир». При изложении рассказа об отказе впустить князя Федора в Ярославль Холмогорская сообщает, что горожане и бояре заявили: «Сей град княгини Ксении». Этих слов нет в Степенной книге. В то же время она содержит известия, которых не знает Холмогорская. Все это позволяет сделать вывод, что памятник, использованный Степенной книгой (и Антониевой редакцией «Жития»), и источник Холмогорской летописи были близки, но не совпадали. Видимо, обе летописи пользовались источниками, которые восходили

² В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 171—172.

³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 230—232 и др. См. также: Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. 2, СПб., 1896, стр. 170.

к одному общему памятнику. Этот памятник содержал довольно полную биографию князя Федора Черного. Он не использовался составителями первых редакций «Жития», на это указывает почти полное отсутствие в этих памятниках известий о деятельности князя в Орде. Отметим, наконец, что предполагаемый источник Холмогорской летописи и Степенной книги был летописью. Степенная книга прямо указывает на характер использованного ею памятника для биографического рассказа о Федоре: «О нем же свидетельство имат в летописаниях».⁴

Рассматривая русско-татарские отношения второй половины XIII в., А. Н. Насонов указывал, что составители «Жития Федора» XV—начала XVI в. «использовали однородный источник, какой-то новый летописный материал, представляющий для историка существенный интерес».⁵ Не был ли этим источником «Летописец Федора Ярославского», упомянутый М. Д. Приселковым? Богатство фактического материала, отложение его в разных группах памятников и прямая ссылка Степенной книги заставляют сделать это предположение. А. Н. Насонов указал и на причину того, что летописный источник, содержащий полную биографию князя Федора, столь долго (т. е. до конца XV—начала XVI в.) не привлекался в житийной литературе и летописании. Она объяснялась тем, что близкие отношения князя с «погаными» могли скомпрометировать культ святого Федора Ярославского, бывшего при жизни столь тесно связанным с татарами.⁶

Итак, если наши предположения верны, то Холмогорская летопись, как и Степенная книга, и «Житие Федора» Антониевой редакции, может служить источником для реконструкции памятника конца XIII в. — «Летописца Федора Ярославского», этого первенца местного ярославского летописания.

2. Холмогорская летопись и северная традиция русского летописания.

Холмогорская летопись может служить источником по истории местного двинского летописания. Окончание Холмогорской летописи посвящено северу Руси—Холмогорам, русским поселениям на Двине. С 30-х годов XVI в. Холмогорская летопись, в основу которой положен общерусский свод, приобретает местный колорит. Известия концентрируются вокруг определенного географического района — Холмогор. Характер известий заставляет предположить, что их записал очевидец, местный житель в 30—50-х годах XVI в. Летопись сообщает о пожарах в Холмогорах в 1530, 1546, 1547 и 1549 гг., о ранней весне 1546 г., о прибытии на Двину англичан в 1555—1556 гг.; о назначении в середине

⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 307.

⁵ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 60.

⁶ Там же.

50-х годов XVI в. в Холмогоры московских писцов (Заболоцкого, Темирева, Молчанова, Гагина). К заключительным статьям памятника непосредственно примыкает сводка известий о воеводах и дьяках, управлявших Холмогорами и Подвиньем с 1553 по 1659 г.⁷ Сопоставление этих известий с сообщениями Двинской летописи XVI—XVII вв. дает возможность установить их близость (большинство сообщений совпадает, иногда редакция известий идентична). Предположение о непосредственном использовании Двинской летописи Холмогорской отпадает. Последняя содержит известия, которых нет в Двинской летописи.

Исследование Холмогорской летописи проливает свет на некоторые источники Двинской летописи, памятника начала XVIII в., использовавшего более ранние источники местного происхождения, которые, видимо, не сохранились.⁸ Отражение местных записей в Холмогорской летописи заставляет думать, что летописная традиция на Русском Севере, в Поморье, зародилась в первой половине XVI в. Эта традиция, видимо, продолжалась и в дальнейшем, вплоть до второй половины XVII в., на что указывает сводка сообщений о двинских воеводах и дьяках.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

ОБ ОДНОМ СПИСКЕ РУССКОГО ХРОНОГРАФА РЕДАКЦИИ 1512 г.

В начале XX в., в годы активных поисков рукописей, предпринятых В. И. Срезневским для пополнения коллекций Библиотеки Академии наук, у некоего Казакова (в декабре 1903 г.) был приобретен список русского Хронографа редакции 1512 г. Рукопись получила в БАН шифр 21.6.5 и была включена в Новое собрание, комплектуемое из единичных и немногочисленных поступлений.

К сожалению, мы не нашли никаких сведений о бывшем владельце рукописи Казакове, кроме того, что одновременно с этой рукописью у него же приобрели еще список Хронографа редакции

⁷ Я. С. Лурье называет эту сводку «Летописцем двинских воевод». Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи. Сб. «Исследования по отечественному источниковедению», М.—Л., 1964, стр. 454—455.

⁸ Следует высказать пожелание о скорейшем научном издании Двинской летописи и других «северных» летописцев, что позволит судить в полной мере о северной традиции русского летописания.